

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МНОГОМЕРНОСТИ И НЕСАМОДОСТАТОЧНОСТИ ТЕКСТА

А. В. Соснин

*Нижегородский филиал Национального исследовательского университета –
Высшей школы экономики*

Поступила в редакцию 15 сентября 2011 г.

Аннотация: в статье дается математическое обоснование многомерности и несамодостаточности текста; рассматривается степень самодостаточности текста как определяющей характеристики при выборе того или иного способа перевода.

Ключевые слова: многомерность текста, степень самодостаточности текста, интертекстуальность, перевод.

Abstract: the article provides mathematical description of the multi-dimensional text and its dependency on other texts. The concept of the degree of textual self-sufficiency is introduced, which helps to choose the most appropriate translation method.

Key words: multi-dimensional text, textual self-sufficiency, intertextuality, translation.

В работе «Структура и форма» Клод Леви-Стросс писал: «Имеются величины переменные и постоянные. Меняются персонажи и их атрибуты, но не меняются действия и функции. Именно устойчивые элементы должно положить в основу исследования в том случае, если будет доказано, что число функций ограничено. И вот оказывается, что их повторяемость чрезвычайно высока. . . : с одной стороны, наблюдается поразительное многообразие, пестрота и красочность, с другой – не менее поразительное однообразие, повторяемость» [1, с. 403]. Действительно, в контексте нынешней эпохи, когда в литературе (да и в других областях искусства) все больше утверждается практика обращения к созданному ранее с его переосмыслением и необходимой адаптацией, когда сюжеты заимствуются (их существует вполне ограниченное количество, а творческий опыт предыдущих поколений огромен) и параллели становятся неизбежными (что Ж.-Ф. Лиотар называет «the grand metanarratives of western culture» [цит. по: 2]), особую актуальность приобретает проблема самодостаточности текста и связанные с ней проблемы перевода. Какова степень самодостаточности данного текста? Существует ли самодостаточный текст вообще, и если он представляется таковым носителям культуры, в которой был создан, будет ли он так же восприниматься иноязычными читателями?

Изучение самодостаточности текста являет собой следующий шаг по сравнению с исследованиями интертекстуальности (=повторяемости, воспроизводимости), а также влияний и традиций в литературе.

Интертекстуальность – это термин, используемый для того, чтобы обозначить отношение между рассматриваемым текстом и другими текстами, которые могут быть как художественными, так и нехудожественными; это взаимодействие отдельных текстов в плане содержания и выражения. По сути, понятие интертекстуальности эквивалентно понятию несамодостаточности. Действительно, *самодостаточный* – достаточно значительный сам по себе, имеющий вполне самостоятельное значение. Опираясь на это определение, самодостаточный текст, текст *per se* можно охарактеризовать как внутренне организованную последовательность знаков, законченную и автономную по своему содержанию и строению, смысл которой выводится из значений знаков и связей между ними. Самодостаточный текст – закрытая система; для его понимания не требуется знания некой базисной, образующей единицы – прецедентного/исходного/первичного/архе-/гено-/пра-/пре-/прототекста/ текста-источника. Таким образом, степень самодостаточности будет определяться как степень того, насколько смысл текста выводится из простой последовательности его знаков. Соответственно самодостаточность текста убывает по мере того, как на каком-то его отдельном отрезке появляется интертекстуальное включение. Самодостаточность S , таким образом, обратно пропорциональна числу интертекстуальных включений n , является функцией от n и выражается формулой

$$S(n) = \frac{1}{n}, n = n_1 + n_2 + n_3 + \dots + n_i, \quad (1)$$

где i – отдельный отрезок текста или отдельный уровень произведения. При неограниченном возрастании

числа интертекстуальных включений либо когда интертекстуальные отсылки пронизывают текст на всех уровнях, включая структурный, сюжетный и композиционный, самодостаточность текста стремится к нулю

$$\lim_{n \rightarrow +\infty} S(n) = \lim_{n \rightarrow +\infty} \frac{1}{n} = 0, \quad (2)$$

однако это значение никогда не достигается¹.

При отсутствии авторских интертекстуальных включений степень самодостаточности текста неограниченно возрастает, стремясь к бесконечности, хотя никогда не достигает абсолютного значения:

$$\lim_{n \rightarrow 0} S(n) = \lim_{n \rightarrow 0} \frac{1}{n} = +\infty. \quad (3)$$

В подтверждение этого приведем график функции $S(n) = \frac{1}{n}, n > 0$ (рис. 1).

Прямые $S=0$ и $n=0$ являются асимптотами² графика функции $S(n)$, т. е. прямыми, к которым он стремится, и соответствуют нулевой самодостаточности и абсолютной самодостаточности. Даже если в тексте нет намеренно тематизированных интертекстуальных включений, в силу математических закономерностей n не может равняться нулю и может только стремиться к нему, т. е. текст никогда не создается *ab nihilo*, что возвращает нас к теориям сверткста культуры, языковой личности, когнитивных парадигм и ассоциативных связей слов. Соответственно самодостаточность текста $S(n)$ никогда не может быть полной, но она также не может быть нулевой, поскольку ни в одном тексте нет неисчерпаемого смысла.

¹ Число b называется пределом функции $y=f(x)$ при x , стремящемся к $+\infty$ (плюс бесконечности), если для любого положительного числа A найдется такое число x_0 , что для любых значений аргумента x , больших, чем x_0 , выполняется неравенство $|f(x) - b| < A$.

Число b называется пределом функции $y=f(x)$ в точке $x=a$, если

$$\lim_{x \rightarrow a-0} f(x) = \lim_{x \rightarrow a+0} f(x) = b, \quad \text{т.е.} \quad \lim_{x \rightarrow a} f(x) = b.$$

² Прямая $y=b$ называется горизонтальной асимптотой графика функции $y=f(x)$ при x , стремящемся к $+\infty$, если

$$\lim_{x \rightarrow +\infty} (f(x) - b) = 0.$$

Прямая $x=a$ называется вертикальной асимптотой графика функции $y=f(x)$ при x , стремящемся к a ,

$$\text{если} \quad \begin{matrix} \lim_{x \rightarrow a+0} f(x) = +\infty \\ \text{или} \\ \lim_{x \rightarrow a-0} f(x) = -\infty \end{matrix} \quad \text{или} \quad \begin{matrix} \lim_{x \rightarrow a+0} f(x) = -\infty \\ \text{или} \\ \lim_{x \rightarrow a-0} f(x) = +\infty \end{matrix}.$$

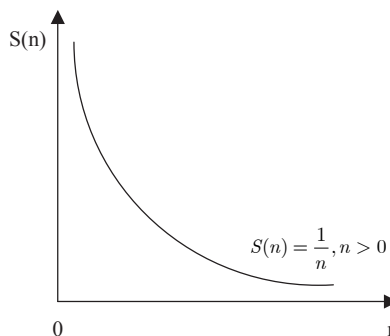

Рис. 1

С учетом сказанного выше можно сделать следующие обобщения.

– Сохранение степени самодостаточности переводного текста по сравнению с исходным необходимо для воспроизведения замысла автора.

– Поскольку степень самодостаточности текста зависит от числа интертекстуальных включений, переводческие проблемы, связанные с самодостаточностью, во многом сводятся к проблемам адекватной передачи интертекстуальных включений (проблема эквивалентности отдельных частей текстов и целых текстов, проблемы прагматической адаптации и т. д.).

Представляется, что сохранение степени самодостаточности переводного текста по сравнению с исходным достигается на уровне крупномасштабной эквивалентности.

Самодостаточность – глобальная характеристика текста, и в переводе должна воспроизводиться на уровне всего текста, а не на уровне его отдельных сегментов, поскольку

$$S(n) = \frac{1}{n} = \frac{1}{n_1 + n_2 + n_3 + \dots + n_i} \neq \frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2} + \frac{1}{n_3} + \dots + \frac{1}{n_i}, \quad (4)$$

т. е. формальная эквивалентность не может быть целью при переводе интертекстуальных единиц, так как это нарушило бы интертекстуальную связь перевода с текстами сверткста отечественной культуры. Вообще интертекстуальные единицы на уровне взаимодействия/пародирования стиля, композиции или сюжета могут быть переданы лишь в рамках крупномасштабной эквивалентности, поскольку представляют собой слишком сложный знак со слишком сложной коннотацией. Степень релевантности информации такого рода при переводе определяется степенью ее соотносительности с общим замыслом автора.

Одна из основных переводческих проблем – это проблема тех действий, которые предпринимает переводчик, чтобы вызвать у получателей перевода

реакцию, эквивалентную реакции читателей оригинала. Осуществление таких действий – это прагматическая адаптация текста, т. е. некоторое изменение содержания текста, внесение дополнительной информации в виде пояснений, дополнений, комментариев, т. е. эксплицирование имплицитного, опущение не понятной для получателя текста перевода и коммуникативно нерелевантной информации или замена непонятной информации более понятной, либо же изменения, связанные с необходимостью соблюсти жанрово-стилистические нормы, существующие в ПЯ в отношении текстов данного функционального стиля и т. п. В связи с этим возникает вопрос: должен ли читатель перевода получать от текста такое же впечатление, как и читатель оригинала, или же он должен все время чувствовать, что он читает текст, отражающий чужую для него культуру? Первый подход чреват опасностью потери национально обусловленной специфики оригинала. Также следует помнить, что адресат исходного текста не может совпасть с адресатом текста перевода и что нельзя рассчитывать на абсолютную эквивалентность их реакций и абсолютное совпадение степени самодостаточности исходного текста и степени самодостаточности переводного текста, иными словами, $S_{ит}$ должна быть лишь приблизительно равной $S_{ит}$. Кроме того, при национально-культурной адаптации возможно обращение к общекультурным прецедентным текстам, и, как правило, это оправдано.

При втором подходе, когда переводчик стремится сохранить всю национальную специфику оригинала, приводя развернутые комментарии, нередко происходит разрушение художественной образности, поскольку читатель вынужден постоянно отрываться от текста. Чаще всего переводчику приходится искать компромисс между этими двумя крайностями. Что же касается проблемы переводческого комментария, то она должна изучаться и должны быть выработаны четкие принципы его создания (как известно, объясненная шутка перестает быть шуткой). При комментировании внутри текста или увеличении объема интертекстуального включения с тем, чтобы оно легче узнавалось получателями перевода, значение одного конкретного n_i возрастает. Соответственно степень самодостаточности переводного текста $S_{ит}$ уменьшается. При введении в текст ссылок и затекстовых комментариев он приобретает характеристики гипертекста и число интертекстуальных включений n возрастает, а $S_{ит}$ опять уменьшается. В обоих случаях $n_{ит}$ оказывается больше, чем $n_{ит}$, т. е. $n_{ит} = kn_{ит}$, где k – некоторое число больше 1 (рис. 2).

Таким образом, происходит сдвиг кривой $S_{ит}$ вниз по сравнению с $S_{ит}$, поскольку

$$S_{ит} = \frac{1}{n_{ит}} = \frac{1}{kn_{ит}} = \frac{1}{k} S_{ит}$$

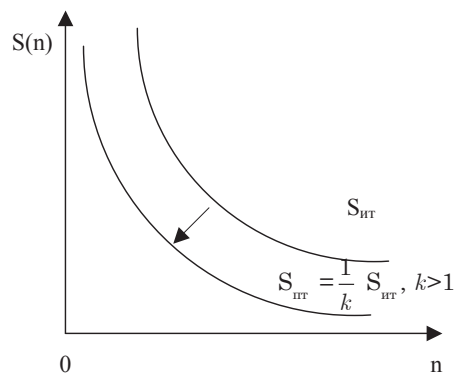

Рис. 2

Хотя, как уже отмечалось, $S_{ит}$ может быть лишь приблизительно равной $S_{ит}$ и нельзя ожидать полного совпадения кривых при наложении, представляется, что сдвиг кривой $S_{ит}$ не должен быть значительным, поскольку это означало бы нарушение принципа относительного тождества коммуникативных эффектов исходного и переводного текстов.

Условием сохранения степени самодостаточности текста является передача функции интертекстуально-го включения, а также его двойной коннотации.

Ю. Ю. Саксонова выделяет следующие функции интертекстуальных включений:

- 1) вызвать узнавание у читателей, что предполагает присутствие ссылки на прецедентный текст по меньшей мере национального уровня;
- 2) создать комический эффект путем столкновения различных дискурсов, что предполагает присутствие резких различий в стиле и/или содержании текста-включения и его окружения;
- 3) поддержать развитие сюжета, что предполагает присутствие смыслового параллелизма текста-включения и микросюжетного развития, вплоть до лексических повторов, а также нередкое наличие автотимической речи в ближайшем окружении [3, с. 85].

Данные функции не являются единственно возможными. Предполагается существование иных функций интертекстуальных включений, причем их список остается открытым. Например, возможно выделение функций номинации, аргументации, идентификации с референтной группой, самооценки [4, с. 230]; функции подчеркивания какой-либо характеристики, акцентирования одного из аспектов повествования и разрушения штампов [5, с. 11–12]. Определить, какие функции несет конкретная интертекстуальная единица в произведении, позволяет контекст. Чаще всего наблюдается совмещение функций. Можно заключить, что функции интертекстуальной отсылки влияют на перевод прецедентных текстов: если инокультурный вариант способен выполнять те же функции, что и оригинальный прецедентный текст, то его применение оправдано. В противном случае

культурная адаптация неуместна. Функция может диктовать то, что инокультурный вариант должен быть определенного жанра, определенной формы или относится к определенной эпохе. В случае, если при переводе функция интертекстуальной отсылки не сохраняется, в переводном тексте по сути появляется новое интертекстуальное включение, не предусмотренное автором, при утрате оригинального включения. Степень самодостаточности текста становится совершенно иной.

Как сложный знак интертекстуальное включение обладает денотатом и двойной коннотацией – коннотацией в тексте-источнике и коннотацией в принимающем тексте [3, с. 72]. Эти коннотации часто не совпадают в силу переосмысления и различных деформаций языкового афоризма в принимающем тексте.

Существуют следующие способы передачи интертекстуальных включений: перевод, сохраняющий содержание, инокультурный вариант (адаптация) и опущение (передачей прецедентности исторически ограниченных прецедентных текстов часто можно пренебречь). Перевод, сохраняющий содержание, подразделяется на собственный перевод, широко известный в принимающей культуре перевод (новый перевод уже известной цитаты может быть переводческой ошибкой) и нулевой перевод.

Представляется, что выбор того или иного способа перевода интертекстуального включения часто может быть объяснен лишь таким субъективным фактором, как личное предпочтение переводчика (которое, тем не менее, подчиняется или должно подчиняться логике эстетического), и в большей или меньшей степени осуществляется с позиции его видения самодостаточности текста. Здесь возникают определенные проблемы: переводчик может просто не заметить интертекстуального включения, либо же он воспринимает текст на одном уровне, что вполне соответствует принятому определению текста. Текст обыкновенно определяют как внутренне организованную последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно законченной по своему содержанию и строению. Данное лингвистическое определение, очевидно, предполагает линейность и одномерность текста и в этом смысле близко к определению текста в полиграфии: текст – это основная часть печатного набора (набор тоже линейен). Результат: многие из тех, кто выучил тысячи слов иностранного языка, видят лишь пустую словесную оболочку. Однако в нашей речевой деятельности мы сознательно и бессознательно ссылаемся на факты и явления за пределами линейного высказывания, на наши впечатления и переживания. Любое высказывание по сути представляет собой гипертекст (<гр. *hyper* над, сверх, по ту сторону), в котором каждое слово – это отголосок

увиденного, услышанного, прочувствованного, пережитого; это результат интертекстуального взаимодействия, перспектива аллюзий и цитаций, осколков сюжетных и метрических моделей, фрагментов социальных подязыков, которые неизбежно проникают в текст и перераспределяются в нем, ибо вокруг текста существует предшествующее ему глобальное общеязыковое пространство.

Соответственно каждый текст предполагает выход за пределы одного измерения. Представим это математически. Пусть текст – это некоторое множество элементов с установленными между ними взаимосвязями:

$$T = \{t_1; t_2; t_3; \dots; t_n\}.$$

Для удобства в качестве элементов будем рассматривать лексемы (хотя можно использовать и единицы других языковых уровней), поскольку у них наиболее удобно выделять компоненты смысла. Лингвисты традиционно выделяют в тексте внутритекстовую и затекстовую информацию. Академик А. Н. Колмогоров высказал идею о том, что полная энтропия речи (т. е. мера количества информации, передаваемой речью) может быть разложена на две компоненты: а) внеречевую информацию и б) собственно речевую (лингвистическую) информацию [6, с. 143–144].

Соответственно с семантической точки зрения каждый компонент текста t_n можно представить как сумму семы внутритекстовой информации v_n и большего числа сем затекстовой информации z_{ni} (скажем, сема затекстового лингвистического – отсылка к другим текстам, семы затекстового визуального и звукового, коннотативные семы и т. д.):

$$t_n = v_n + \sum_{i=0}^q z_{ni}, \quad (5)$$

где q – положительное целое число.

Будем считать, что для каждого t_n сема внутритекстовой информации v_n определяется однозначно³ и выводится из словарного значения слова и внутритекстовых связей. По сути v_n – сема самодостаточности. Для самодостаточного текста t_n будет равно v_n и может быть представлено следующим образом (рис. 3).

Однако, как мы показали ранее, абсолютно самодостаточного текста не существует, и соответственно текст не представляет собой линейную зависимость элементов от соответствующих внутритекстовых сем. При этом, если учитывать внутритекстовые семы,

³ По Колмогорову, собственно речевая (лингвистическая) информация также однозначна с семантической точки зрения. Со структурной точки зрения компонента (б), названная Колмогоровым остаточной энтропией, характеризует разнообразие возможных способов выражения одной и той же (или равносильной) смысловой информации.

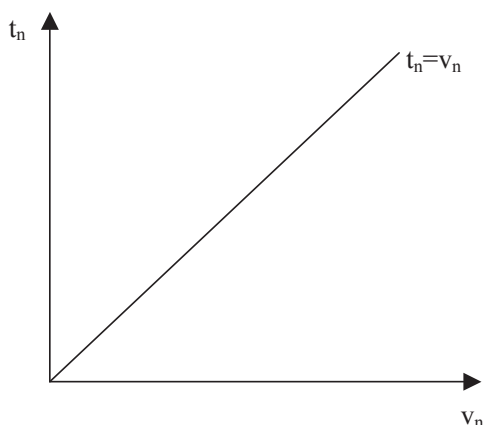

Рис. 3

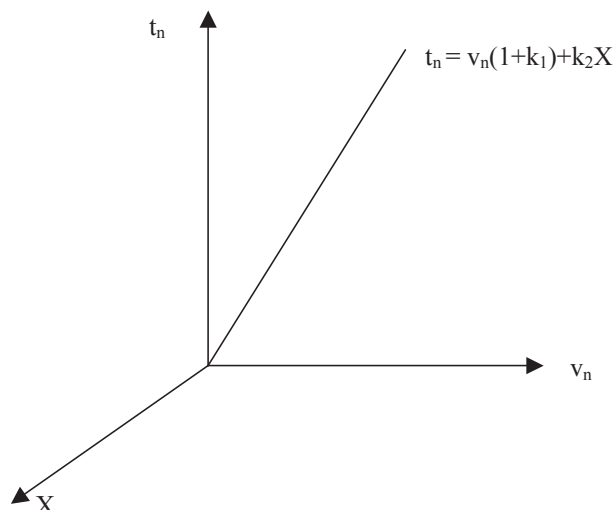

Рис. 4

необходимо иметь в виду, что z_{ni} зависит от v_n , текста T в целом, читателя X , времени (эпохи) восприятия τ и т. д. (Число q также определяется этими параметрами). Тогда $z_{ni} = f_i(v_n; T; X; \tau; \dots)$. Выражение (5) примет следующий вид:

$$t_n = v_n + \sum_{i=0}^q f_i(v_n; T; X; \tau). \quad (6)$$

Данное выражение уже само по себе описывает многомерное пространство.

Пусть f_i линейно зависят от своих переменных.

Тогда

$$t_n = v_n + \sum_{i=0}^q (k_{i_1} v_n; k_{i_2} T; k_{i_3} X; k_{i_4} \tau). \quad (7)$$

Опишем переход от двумерного пространства к многомерному

$$t_n = v_n \rightarrow t_n = v_n + \sum_{i=0}^q z_{ni}. \quad (8)$$

Графически удобнее представить трехмерное пространство, поэтому предположим, что из затекстовой информации в тексте представлена только затекстовая лингвистическая (отсылка к другим языковым текстам), которая (опять же для удобства) определяется как

$$z_{ling} = f(v_n; X) = k_1 v_n + k_2 X. \quad (9)$$

Тогда

$$t_n = v_n + k_1 v_n + k_2 X = v_n(1+k_1) + k_2 X, \quad (10)$$

т. е. появляется еще одна ось – X (рис. 4).

Таким образом, текст – это объект, элементы которого многомерны. Многомерность текста нельзя игнорировать, в противном случае, даже владея языком (т. е. зная слова и грамматику – одна плоскость текста), люди не всегда могут понять друг друга. При

переводе же передача интертекстуальных включений из других измерений текста может представлять определенные сложности. В качестве примера рассмотрим отрывок из книги Дэвида Лоджа «Nice Work». Автор так описывает кабинет главной героини: «The walls are covered with posters illustrative of various radical causes – nuclear disarmament, women’s liberation, the protection of whales – and a large reproduction of Dante Gabriel Rossetti’s painting, “The Lady of Shalott”, which might seem incongruous unless you have heard Robyn expound its iconic significance as a matrix of male stereotypes of the feminine» [7, с. 67].

Русскому читателю не так широко известно творчество прерафаэлитов, основоположником которых является Данте Габриэль Россетти, чтобы немедленно визуализировать образ Леди Шалотт из баллады Теннисона, которая в России не входит в обязательную школьную программу по литературе. Английскому читателю, даже не имеющему представления о современной трактовке произведения в гендерном ключе, образ знаком в любом случае, поскольку в XIX в. «Леди Шалотт» была самой иллюстрируемой балладой в Англии.

Текст также может быть несамодостаточным в культурно-историческом, в частности, социально-идеологическом контексте (ср. так называемый «советский язык»). Интертекстуальные связи текста никогда не бывают чисто литературными, поскольку он зависит не только от предшествующих текстов, но и языка, политического состояния и «энциклопедии» своей эпохи [ср.: 8, с. 408]. Кроме того, существует зависимость текста от предшествующей литературной традиции, интертекст творчества писателя, интертекстуальные рамки и интертекстуальные архетипы [9, 10]. Это, как правило, представляет наибольшие трудности при переводе, поскольку предполагает вызов «глобальных» ассоциаций у читателя.

Однако это означает не принципиальную неперево-
димую, а лишь некоторые сложности в освоении
чужой культуры и литературных традиций через
перевод. Дело в том, что в процессе перевода худо-
жественного текста возможно освоение не только
иноязычных лексических единиц, но и инохудожест-
венной модели, а значит, и освоение чужой культу-
ры. К тому же не всякая затекстовая информация
абсолютно необходима для адекватного понимания
текста. Существует такая степень самодостаточно-
сти текста, ниже которой полная передача затексто-
вой информации будет не оправдана и просто не-
возможна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леви-Стросс К.* Структура и форма / К. Леви-
Стросс // Семиотика языка и литературы ; пер. с англ.,
исп. и франц. языков ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. :
Радуга, 1983. – С. 400–428.
2. *Ben-Porat Z.* The Poetics of Literary Allusion /
Z. Ben-Porat // PTL : a Journal for descriptive poetics and
theory of literature. – 1976. – Vol. 1. – P. 105–128.
3. *Саксонова Ю. Ю.* Прецедентный интекст ; про-
блема межъязыковой эквивалентности в художествен-

*Нижегородский филиал Национального исследова-
тельского университета – Высшей школы экономики*

*Соснин А. В., кандидат филологических наук, до-
цент кафедры иностранных языков, докторант кафед-
ры английской филологии*

E-mail: alexsosnin@mail.ru

Тел.: (831)419-55-21

ном переводе : на материале английского, немецкого и
русского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 /
Ю. Ю. Саксонова. – Екатеринбург, 2001. – 133 с.

4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая лич-
ность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

5. *Снигирев А. В.* Интертекст : типология, включение
и функционирование в художественном тексте : на ма-
териале романов М. Е. Салтыкова-Щедрина «История
одного города», Ф. Сологуба «Мелкий бес» и С. Соко-
лова «Палисандрия» : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01
/ А. В. Снигирев. – Екатеринбург : Уральск. гос. пед.
ун-т, 2000. – 167 с.

6. *Колмогоров А. Н.* Истина – благо / А. Н. Колмо-
горов // Юбил. изд. : в 3 кн. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003.
– Кн. 1. – 354 с.

7. *Lodge D.* Nice Work / D. Lodge. – Penguin Books,
1989. – 384 p.

8. *Belsey C.* Literature, History, Politics / C. Belsey //
Modern Theory and Criticism. – London ; New York : Long-
man, 1991 (1988). – P. 400–410.

9. *Eco U.* The Role of the Reader : explorations in the
Semiotics of Texts / U. Eco. – Macmillan, 1979. – 273 p.

10. *Eco U.* Casablanca : cult Movies and Intertextual
Collage / U. Eco // Modern Theory and Criticism. – London ;
New York : Longman, 1988. – P. 42–59.

*Federal Research University – Higher School of Eco-
nomics, Nizhny Novgorod Branch*

*Sosnin A. V., Candidate of Philology, Associate Profes-
sor of the Foreign Languages Department, Post-doctoral
Research Fellow of the English Philology Department*

E-mail: alexsosnin@mail.ru

Tel.: (831)419-55-21